

▪ ПРОЗА ▪ ИССЛЕДОВАНИЯ ▪ ДОКУМЕНТЫ ▪

А.Б. МАКСИМОВ

ОПЕРАЦИЯ «ТУРНИР»

100 лет Службе внешней разведки

Анатолий Максимов

Операция «Турнир».
Записки двойного агента

«ВЕЧЕ»

2020

Максимов А. Б.

Операция «Турнир». Записки двойного агента /
А. Б. Максимов — «ВЕЧЕ», 2020 — (100 лет Службе внешней
разведки)

ISBN 978-5-4484-8469-8

Борьба разведок и контрразведок на «разведывательном поле» всегда отличается остротой содержания в операциях по проникновению в агентурную сеть и научно-технические секреты противника. В предлагаемых читателю записках речь идет об истории работы советского разведчика в 60—70-е годы прошлого столетия в сложной и уникальной игре нашей службы контршпионажа под флагом «предателя» Родины. Причем это происходит на фоне его активной деятельности по добыванию секретов для нужд советской оборонки и народного хозяйства – химии, электроники, флота, авиации и космоса. Автор – сотрудник разведки – десятилетие выступал в роли «московского агента» западной спецслужбы. Эта долговременная акция советской стороны привела к дезорганизации работы противника и стоила карьеры «шести блестящим офицерам» канадской контрразведки и поста генерального прокурора, их куратора по правительственной линии. Первые 20 лет службы в госбезопасности – это жизнь разведчика «не под одним именем»: Макаров (разведшкола), Тургай (сотрудник НТР), Николай (в операции «Турнир»), Аквариус, Майкл Дзюба, Джеральд Стадник («московский агент» – канадский гражданин с гарантией убежища в стране), Богданов (в газетной статье). И все это – Анатолий Борисович Максимов – капитан 1-го ранга в отставке, ветеран флота, военной контрразведки, разведки и Внешторга, почетный сотрудник госбезопасности, член правления Ассоциации ветеранов внешней разведки, член союза писателей, лауреат премии «Щит и меч Отечества».

ISBN 978-5-4484-8469-8

© Максимов А. Б., 2020

© ВЕЧЕ, 2020

Содержание

От автора	7
Глава 1	9
Долгая дорога в разведку	9
Шпионы	10
Школа военной контрразведки	13
Северный флот	16
Операция «Соседи»	18
Эхо войны	21
Выстрел «Печального»	23
Глава 2	26
«Гридневка»	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Анатолий Борисович Максимов
Операция «Турнир»
Записки двойного агента

© Максимов А.Б., 2020

© ООО «Издательство «Вече», 2020

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2020

Сайт издательства www.veche.ru

От автора

Невидимая часть айсберга холодной войны породила такие явления, как «психологическая» и «экономическая» войны, обострив до предела их эффективный инструмент – разведки.

«Психологическая война» породила массу тайных операций между Востоком и Западом, в процессе которых обеими сторонами использовались далеко не джентльменские правила игры. А ее родная сестра – «экономическая война» создала беспрецедентные в истории человеческих отношений между нациями запреты на использование достижений в области науки и техники.

Строжайшим эмбарго была объявлена продажа передовых технологий в страны Восточного блока. США вовлекли в систему КОКОМ – комиссии по контролю за экспортом оборудования в социалистические страны – десятки государств на всех континентах.

В начале шестидесятых годов я оказался в водовороте событий холодной войны, участвуя в ней как сотрудник научно-технической разведки советской госбезопасности. Профессионал-разведчик, я остро понимал: если КОКОМ – это система Запада против Востока, то советская научно-техническая разведка – это «орудие взлома» строгого эмбарго на поставку в мою страну передовых технологий так называемого двойного назначения, то есть для мирных и военных целей. Всеобъемлющая деятельность комиссии нейтрализовалась работой научно-технической разведки. Такая работа захватила меня целиком.

Гонка вооружений высветила проблему необходимости поддержания Востоком и Западом паритетов в области оружия массового уничтожения. Но именно такое отношение к обороноспособности великих держав привело к осознанию предела в безумной гонке вооружений.

Судьба распорядилась так, что кроме работы по научно-техническому направлению разведки я оказался вовлеченным в контрразведывательную операцию, которая на определенном этапе стала главным смыслом моей профессиональной деятельности. Известно, что спецслужбы большинства стран уделяют повышенное внимание борьбе разведок и контрразведок. Такое противостояние всегда отличается остротой содержания, хотя приемы борьбы различны. И среди них – проникновение в агентурную сеть противника.

В начале девяностых годов в России и за рубежом стала появляться мемуарная литература о деятельности советской разведки. Но и по сей день все еще слабо представлены воспоминания рядовых разведчиков. Фактически нет упоминаний о тех, кто вел борьбу со спецслужбами Запада под флагом «предательства». Потому я и взялся за перо.

История русской и советской разведок знает немало примеров удачных операций по вскрытию замыслов противника и противодействию им. Но всегда считалось: наиболее сложными мероприятиями контрразведывательного характера были операции по проведению игр с привлечением «подстав».

В воспоминаниях идет речь о многолетней работе разведчика в двух направлениях: по линиям технической разведки и службы контршпионажа на фоне сложной игры, в которой я выступал в роли «предателя» моей Родины. В операции по проникновению в агентурную сеть западной спецслужбы мне пришлось не один год испытывать давление противника, целью которого было склонить меня к побегу за рубеж и сотрудничеству с контрразведкой противника. В то же время мне хотелось показать особенности становления человека, гражданина и разведчика, для которого предательство ни под каким видом не может иметь место.

В качестве профессионала разведки и Внешторга – этого моего многолетнего и единственного прикрытия – я не значусь в справочниках западных спецслужб, за последнее время обильно издаваемых за рубежом, хотя география моей разведывательной работы связана с одиннадцатью странами в Европе и Америке, Азии и Африке. Круг же моих знакомых в среде

западных деловых людей – и того шире. О «деле Максимова» мало кто знал даже в среде моих коллег-разведчиков, разве что узкий круг руководства советской и канадской спецслужб.

Возможно, следы моей работы отыщутся в архивах нескольких спецслужб Запада: Канады, США, Швейцарии, а еще раньше – Англии, Японии, ФРГ, Норвегии... Но не могут же спецслужбы стран НАТО помещать в справочники имя советского разведчика, которого до начала девяностых годов они считали своим «московским агентом», разоблаченным и замурованным в подвалах КГБ на Лубянке?

Глава 1

Начало пути в госбезопасность

Долгая дорога в разведку

«В результате проведенных оперативных мероприятий удалось проникнуть агентурную сеть противника...»

Из рапорта внешней контрразведки руководству КГБ. 1978 год

«...А цена этому делу была карьера шести блестящих офицеров Королевской канадской конной полиции (КККП)».

Из канадской газеты «Ситизен» от 10 января 1983 года

В субботний день февраля 1978 года в доме Брюса Джеймса, одного из руководителей канадской службы безопасности – КККП, раздался телефонный звонок. На другом конце провода был обеспокоенный глава службы Роберт Саймондс: «Русские преподнесли нам сногшибательную новость. Я заеду за тобой. Нам надо обсудить, что же делать...»

Джеймс понял, что «сногшибательной новостью» может быть только одна. Он позвонил подчиненным, потребовав подобрать досье с документами по одной из наиболее деликатных и важных операций своей службы.

В ожидании коллеги Джеймс мысленно представил, как его подчиненные в оттавской штаб-квартире КККП на Альта-Виста открывают сейф с кодовым замком и достают совершенно секретное досье «Золотая жила», главное действующее лицо которого – ценный агент «Аквариус», русский коммерсант. Он появился в поле зрения контрразведки в середине шестидесятых годов. В то время «Аквариусу» было тридцать три года – возраст Христа. Применимо ли такое сравнение к человеку, предавшему свою родину, Россию? Почему он идет на риск быть «распятым» на голгофе правосудия своей страны? И что известно ему, Джеймсу, и его людям об истоках нынешней жизни «Аквариуса»?

Звонок вызвал профессиональное беспокойство, поднял из глубины души мучившие Джеймса сомнения.

У дома коротко прогудел автомобиль Саймондса. Предчувствие не предвещало ничего хорошего...

Шпионы

Более пяти лет я провел в стенах военно-морского командно-инженерного училища. Оно просуществовало всего восемь лет, но было уникальным с точки зрения военной и инженерной подготовки. Учились мы по академической программе – из нас готовили новое поколение морских офицеров.

Перед моими глазами прошла мировая и русская история военно-морского искусства: от Соломанского сражения в древние века, сражений парусного флота на Балтике и Черном море до морских операций в годы Великой Отечественной войны советских военно-морских сил и наших союзников по антигитлеровской коалиции. Мы разбирали удачные операции английского флота против пиратских набегов фашистских рейдеров в Атлантике и скорбели над участью американской морской базы в Пёрл-Харборе. На крейсерах мне пришлось ходить на Северном флоте и на Балтике: и все время в качестве морского артиллериста. Но как будущий инженер-артиллерист фактически ежегодно я по несколько месяцев проводил на заводах, где знакомился с особенностями изготовления различных узлов к артиллерийским установкам, их сборкой, боеприпасами к ним. Изучал особенности технологии изготовления взрывчатых веществ и порохов, взрывателей к снарядам. С образцами новой артиллерийской техники знакомился на полигонах.

Три события во время пребывания в училище оставили в моей памяти особый след: подготовка военно-морского флота к атомной войне, парад на Красной площади, участником которого я был, и попытки западных разведок проникнуть в тайны нашего секретного училища. Я стал свидетелем коварства американских шпионов и впервые оказался в стенах ленинградской штаб-квартиры КГБ на Литейном проспекте, прозванной «Большим домом».

...В весенний воскресный день я и мой товарищ по курсу вышли из задних ворот училища и расположились на обширном пустыре. Волны травяного покрова перекатывались от стен училища до проселочной дороги метрах в трехстах. От одинокого автомобиля на ней в нашу сторону шли парень и симпатичная девушка. Не доходя метров двадцать, они остановились возле матроса из обслуживающей команды, который, как и мы, отдыхал.

Высокая трава скрыла всю троицу, и лишь иногда ветер доносил до нас голоса: они о чем-то бурно спорили. Так прошло минут двадцать. Неожиданно парень и девушка вскочили и стали быстро, почти бегом, удаляться в сторону автомашины. Их бегство нас насторожило, и мы окликнули матроса. Ответа не последовало, а странная парочка припустила к автомашине.

Мы бросились к матросу. Он лежал ничком и на наши возгласы не отвечал. Ясно, что с ним что-то сделали. Оставив товарища у лежащего в беспомощности матроса, я бросился за убегающими. Пригодились мои занятия легкой атлетикой. Мне удалось бы догнать парочку, но неожиданно парень обернулся в мою сторону, в его руке блеснул пистолет. Раздалась выстрелы. Я рухнул в траву. Рассмотреть автомашину все же смог: «Москвич-401», первой послевоенной модели.

Он уже запыхал по дороге, а из ворот училища выбегали моряки. Открыл стрельбу в воздух караульный у ворот.

Матрос по-прежнему был без сознания, рядом с ним валялась недокуренная сигарета. Как потом оказалось, она была отравленной, но наше вмешательство спасло парня – медицинская помощь прибыла вовремя.

Дежурный по училищу, офицер, расспросил нас о случившемся. Свой рассказ мы повторили, но уже по отдельности, представителю Особого отдела КГБ. Представителя все мы знали в лицо. Приветливый капитан 3-го ранга всегда не по-уставному обращался с нами, часто разговаривая о разных мелочах. Но, зная его должность, мы особой радости от бесед не испытывали.

Контрразведчик слушал, не прерывая. Вопросы стал задавать после:

– Так что ты можешь сказать об этой странной парочке? Опиши каждого: возраст, рост, цвет волос, особенности лица, одежду... Особые приметы – походка, жесты...

Сам себе удивляясь, я смог достаточно подробно ответить на все эти вопросы. Контрразведчик удовлетворенно кивал головой. С моих слов он записал данные на автомашину и запомнившуюся часть номера.

– Что ты заметил на заднем сиденье? Собаку? Какую собаку? Ведь ты был метрах в двадцати от машины? Как ты «заглянул» на сиденье?

– Да нет, товарищ капитан третьего ранга, это была собака-кукла, и лежала она под задним стеклом. Шерсть светлая и длинная. В наших магазинах таких я не видел.

– А не можешь ли ты описать оружие, из которого в тебя стреляли?

– Это трудно, но звук резкий, как из пистолета Макарова. А по свисту пуль трудно определить тип, – пошутил я.

Контрразведчик дал мне подписать бумаги. Прощаясь, попросил никому не рассказывать о характере беседы и заметил, что, возможно, придется еще раз встретиться по этому делу. Мой вопрос: «Что же произошло?» – он оставил без ответа.

В понедельник меня вызвал к себе начальник факультета и представил флотскому лейтенанту, который повез меня в «Большой дом» на Литейном. Там я снова повторил, что удалось запомнить в той ситуации. Еще через несколько дней «мой» контрразведчик пригласил меня к себе в кабинет и поблагодарил от лица руководства органов госбезопасности за оказание помощи в задержании американских шпионов.

– Твои описания помогли разыскать автомашину и эту парочку. Вот их фото. Сейчас мы составим протокол опознания.

Я узнал – это были те самые люди. С виду даже симпатичные, но... шпионы. Я спросил:

– Что они хотели от матроса?

– Им было поставлено задание проникнуть в училище и собрать сведения о его структуре и направлении обучения. Матрос отказался работать с ними, и они его пытались отравить. Ваша помощь пришла вовремя и для матроса, и для госбезопасности.

Контрразведчик хитро посмотрел на меня:

– Ты свист пуль слышал, когда парень стрелял в тебя?

– Да, – ответил я уже не столь уверенно, чувствуя какой-то подвох в вопросе.

– Он стрелял из пугача, – по-доброму улыбнулся контрразведчик. – Это бывает, тут стыдиться нечего.

Тут мне впервые было сделано предложение перейти на работу в органы госбезопасности.

– У тебя есть хватка чекиста, – сказал мне контрразведчик. – Ты быстро среагировал на обстановку, пытался задержать шпионов, а главное – запомнил столь много примет, что поиск завершился весьма быстро.

Сказанное я принял за чистую монету и лишь с годами работы в органах понял, что небольшое преувеличение заслуг сотрудничающего с тобой человека всегда ему приятно и полезно для создания атмосферы заинтересованности в контактах с тобой.

– Но ведь у меня еще не один год учебы? – я не торопился с решением.

– Полтора года. Станешь офицером, и мы направим тебя в школу военной контрразведки. Будешь работать с техникой на кораблях или в других местах – выбор за тобой. В общем, договорим ближе к окончанию училища. Согласен?

Месяцем позднее «мой» контрразведчик снова свозил меня в «Большой дом», где чекист в адмиральском звании вручил мне именные часы с надписью: «За бдительность». К сожалению, часы в то же лето я случайно уронил в воду во время похода на парусных шлюпках на Азовском море. Жаль!

С осени пятьдесят седьмого года я начал работать над дипломным проектом по зенитной артиллерийской установке для крейсеров с использованием активно-реактивного снаряда и радиолокационного взрывателя. Месяца за два до окончания училища я встретил контрразведчика. Вместо обычного приветствия он бросил короткое: «Зайди...»

– Ты наш разговор помнишь? Передаю тебе официальное приглашение от адмирала перейти к нам на работу.

– Меня уже назначили на Северный флот...

– Северный флот от тебя не уйдет. Нужно думать и о будущем: идет серьезное сокращение. Как сложится твоя судьба? Подумай. А пока захвати-ка это, – и он протянул мне бланк анкеты. – Заполни ее и напиши автобиографию. Пойдешь к нам или нет, а все же заполни. Принеси все через два дня.

К защите диплома я уже знал, что еду в Тбилиси – учиться в специальной школе контрразведчиков.

Конец пятьдесят седьмого года был богат для меня событиями: в ноябре я встретил девушку, с которой зарегистрировал брак за двадцать дней до выпуска. Знал я ее меньше месяца, а живу уже более сорока лет. Она подарила мне троих детей, семейный уют, взяв все заботы по дому на себя. Она стала настоящим моим спутником жизни, а временами – и помощником в оперативных делах.

В последних числах января пятьдесят восьмого года скорым поездом Москва – Тбилиси я и моя юная жена – ей было всего двадцать лет – приехали в столицу солнечной Грузии.

День только начинался. Город утопал в дымке, пронизываемой лучами встающего из-за гор солнца. Ярко блестела Кура, одетая в каменные берега, на одном из которых возвышалась высоко на скале древняя крепость.

Школа военной контрразведки

Напротив входа в парк Ваке, разбитого тбилисцами в новом предгорном районе, стояло трехэтажное здание, облицованное по цоколю красным гранитом. Это была школа КГБ, готовившая военных контрразведчиков. В ней мне предстояло провести два года.

Нас с женой поместили в просторном, человек на пятнадцать, помещении. Пару дней мы жили одни, а затем стали съезжаться другие слушатели школы, окончившие военно-морские училища Ленинграда и Калининграда, Севастополя и Владивостока. Около ста моряков представляли различные морские профессии: артиллеристов и минеров, штурманов и паросиловиков, электриков и радиоэлектронщиков.

Мы быстро разобрались в школьной учебной программе и начали требовать от руководства сократить обучение до одного года. Дело в том, что каждый из нас в училище в течение четырех или пяти лет проходил курс общественных предметов, причем львиная доля приходилась на марксистскую философию, которой мы были сыты по горло еще в училище. В результате из Москвы пришло указание: «Завершить подготовку моряков по сокращенной программе и выпустить в качестве военных контрразведчиков в феврале 1959 года».

Такое начало окрылило, и мы принялись за изучение специальных дисциплин: изучали суть оперативной обстановки, особенности вербовочной работы среди военнослужащих и гражданского населения, знакомились со структурой и задачами органов госбезопасности, с наших уст срывались профессиональные термины: «конспирация», «вербовка», «явка», «наружное наблюдение» – по-простому «наружка». Во время практических занятий мы тщательно разбирали приемы и способы вербовочных ситуаций. Курс практики вел руководитель потока – бывший боевой офицер – сотрудник знаменитого «Смерша».

На склоне гор мы устраивали стрельбы из немецкого и японского оружия, американского и французского. Стреляли сколько хотели – патронов для нас не жалели.

В школе увлечение уголовным правом было всеобщим. Мы наизусть цитировали статьи кодекса и решали задачи с казусными ситуациями, спорили на правовые темы. Нам внушалось, что в основе правовой подготовки лежит долг врача – не нанести вреда невинным людям.

Но особую любовь мы испытывали к криминалистике, зачитываясь учебниками и книгами с примерами из жизни. Вел этот предмет, не оставляя равнодушным никого, капитан Джапаридзе. Со временем он стал генеральным прокурором Грузии.

– Вам, контрразведчикам, – говорил Джапаридзе, – тем более военным, которые будут иметь дело с военной техникой, нужно упреждать ситуацию, когда создаются условия для аварий или утечки секретной информации из-за болтливости сотрудников. Инструментом анализа оперативной обстановки является предвидение событий на объекте защиты. Это возможно, если вы хорошо знаете свое «рабочее место», то есть оперативную обстановку на охраняемом объекте. Ваша задача – не ловить шпионов, а создавать условия, когда не будет безответственного отношения к делу и лазеек для шпионов. Другой ваш действенный «инструмент» – агентура.

Сколько раз вспоминал я добрым словом моего наставника. Он был моим незримым советником в работе на Северном флоте и позднее, в разведке.

Сто морских офицеров, без пяти минут военных контрразведчиков, написали председателю КГБ коллективную жалобу. Мы нарушили устав: в вооруженных силах коллективные жалобы запрещены, разрешены только индивидуальные. Хоть сто, но индивидуальных.

Что же заставило нас пойти на этот шаг?

По правилам высших военно-морских учебных заведений, через год после окончания училища каждому из нас должны были присвоить очередное воинское звание – старший лей-

тенант. Но руководство школы отказало нам в этом, заметив, что правила военных моряков на службу в органах госбезопасности не распространяются.

Письмо-протест с оказией было доставлено в приемную КГБ в Москве. Для управления учебных заведений органов госбезопасности это было ЧП, которое расценили как бунт. И не кого-то, а новых кадров госбезопасности, призванных по решению ЦК КПСС заменить старых сотрудников с настроениями еще культового периода.

На «усмирение» вылетел генерал Борисоглебский, начальник управления кадров КГБ. Этот умнейший и прекрасно образованный человек после XX съезда партии возглавил комиссию по реабилитации незаконно осужденных в годы культа личности Сталина. Именно он разработал действенный механизм и этапность реабилитации невинно пострадавших людей: вначале тех, кто еще сидел за колючей проволокой в северных, сибирских и восточных лагерях, а затем вышедших из заключения на свободу, но лишенных гражданских прав или ограниченных в них.

В учебной аудитории генерал обратился к нам:

– За такие поступки следует уволить из органов. Сознательное нарушение устава расценивается как неповиновение руководству КГБ...

Зал замер, не спуская глаз с генерала, который говорил спокойно, не входя в яростный раж, как любили это делать начальник школы и его заместитель.

Я вспомнил, как начальник школы, полковник, высмеял нашу наивность, сказав, что он ходил в каждом звании лет по десять, и пообещал, что старшими лейтенантами мы станем не раньше, чем к тридцати годам.

Генерал же предложил компромисс:

– Вы забираете свою коллективку, точнее, я рву ее на ваших глазах, а я обещаю, что не позднее чем через полгода вы получите очередное звание, которое найдет вас в особых отделах флотов после окончания школы военных контрразведчиков.

Конечно, мы согласились. Конфликт был улажен.

В то время я жил в общежитии школы – Нина уехала в Москву к моим родителям. От недоедания у нее началась дистрофия, а советы грузинского врача есть больше овощей, фруктов и мяса были не для нас.

Нина пыталась работать. С профессией модельера и портнихи она быстро нашла место в ателье женской одежды, хорошо зарабатывала. С местными женщинами-грузинками у нее завязались дружеские отношения.

Трудности возникли с неожиданной стороны. В Грузии все руководящие должности занимают мужчины. Удел работающей замужней женщины – обязательное домогательство руководства.

Нина не приняла правила игры и вынуждена была уйти с работы. Подобное ожидало ее и в других местах.

Последние экзамены позади. Двенадцать человек подали рапорт с просьбой направить на работу в Особый отдел Северного флота. Среди них был и я.

...В школе появился человек в гражданском, что было нетипичным для учебного заведения, где слушатели, преподаватели и руководство ходили в военной форме. Прошел слух, что идет отбор в какое-то специальное подразделение органов госбезопасности.

Попал на беседу с человеком в гражданском и я. Он отличался неофициальной манерой общения, в нем не было ничего от армейского служаки, облеченного властью над подчиненными. Вежливо, мягко и, я бы сказал, участливо расспросил он меня об учебе, поинтересовался моим прошлым: юношеской спортивной школой, аэроклубом, предметами в военно-морском училище и профилем инженерных знаний.

– Как вы отнесетесь к предложению пойти на работу в Первое главное управление и заняться разведывательной работой?

Вопрос застал меня врасплох. Товарищи, что уже побеседовали с кадровиком от разведки, помалкивали. Да и не всем он делал такое предложение. Смущало меня и то обстоятельство, что было как-то несолидно в третий раз менять направление работы.

– А как же служба на Севере? Ведь на руках уже направление на работу в Особый отдел!

– Поезжайте и служите. Если решение о направлении вас на работу в разведку состоится, вас вызовут. Вы-то согласны?

– Конечно.

О внешней разведке КГБ в школе нам кое-что рассказывали, но в основном историко-описательного характера и немного о контактах ее с военной контрразведкой. Курс был ознакомительный, и длился он часа два. Видимо, больше и не следовало нам знать. И вот такое предложение. Я понимал: разведка – это, как в авиации, высший пилотаж. Я не ошибся в выборе. Но и в разведке был свой «высший пилотаж» – активные мероприятия, которыми мне пришлось заниматься не один год. Но об этом позже.

Северный флот

Дней через десять после отъезда с Кавказа мы с женой ступили на землю Кольского полуострова, где размещалась главная база северного флота – Североморск.

Город амфитеатром спускался к заливу, который дымился незамерзающей водой. На рейде редкими огнями обозначился силуэт крейсера «Александр Невский». В стороне, под высокими скалами, теснились друг к другу корпуса подводных лодок, похожие на спины китов. При свете ярких звезд полярного неба заснеженные сопки имели фантастический вид.

Большой кабинет начальника Особого отдела был уютен и по-деловому обжит. Огромная карта Кольского полуострова закрывала одну из стен целиком. Пока адмирал разговаривал по телефону, я на карте нашел Мотовский залив с поселком Титовка. Здесь во время моей стажировки на крейсере мы стояли «по атомному рассредоточению». Однажды мы, группа курсантов, подошли к берегу, прозванному в годы войны «Долиной смерти», – такие здесь были упорные сражения между нашей морской пехотой и немецкими егерями.

На берегу увидели следы войны: окопы, колючая проволока, блиндажи, разбитые орудия и много гильз от снарядов и патронов. Нас предупредили: ходить можно только по тропинкам – кругом еще были минные поля. Один из моих товарищей пренебрег опасностью. Взрывом ему оторвало часть ступни. Он не погиб только потому, что от времени взрывчатка мины испортилась и потеряла свою силу.

Адмирал Усатов Михаил Андреевич имел опыт боевых действий и на Севере, и на Тихом океане. Именно он готовил дерзкую операцию по захвату города-порта Лиинахамари, базы немцев в Норвегии. Старший лейтенант Леонов получил за нее звание Героя Советского Союза, повторил ее на Дальнем Востоке и был удостоен второй «Золотой Звезды». Я знал, что Леонов, теперь капитан второго ранга, работает в этом же особом отделе.

– Ты ведь знаком с авиацией? – спросил Усатов.

– Да, только не с военной. Два года в аэроклубе под Москвой. Летал на УТ-2, ПО-2 и ЯК-18. Прыгал с парашютом. Пилот четвертого класса...

– Вот и прекрасно, – воскликнул адмирал, – тебе и все карты в руки: будешь работать в Особом отделе истребительной авиадивизии, на Малом аэродроме. Это, брат, знаменитая Сафоновская дивизия.

Мы поселились в одной из комнат финского домика. Целый поселок таких одноэтажных строений стоял вокруг штаба авиадивизии, который находился в трех километрах от трассы Мурманск – Североморск.

В отделе работали четыре оперативника: начальник подполковник Жевтоухов, старший оперработник, который еще в войну служил в Смерш, молодой сотрудник и я. Была еще секретарша-машинистка со стажем работы во фронтовой контрразведке и команда из десяти матросов, живших в землянке на склоне оврага.

Моим заботам передавался авиационный полк – два десятка реактивных истребителей, летчики, авиамеханики, специалисты по вооружению и радиотехнике. Я должен был контролировать работу автобатальона, кислородной станции и караульной роты. Кроме того, в мое ведение поступал полигон, на котором летчики проводили учебные стрельбы по наземным целям.

Среди военнослужащих «моих» объектов я имел негласных «помощников». Некоторых мне передали на связь, а новых я должен был заводить сам. Начал изучать личные дела матросов караульной команды и обратил внимание на бывшего студента. Познакомиться и поговорить с ним так, чтобы никто не обратил внимания, было весьма непростым делом – матрос на казарменном положении. Мне нужно было вывести его за пределы здания, куда-нибудь в поселок. Договорились, что он попросит начальство отпустить его в санитарную часть, а по дороге я перехвачу его и привезу в землянку наших матросов.

Легко сказать: «перехвачу»... А если полярная ночь, пурга, все матросы похожи один на другого? И я ошибся: привел в землянку не того, кого ждал. Более того, я провел с ним вербовочную беседу, понимая, что говорю не с тем человеком. В нашем деле главное при вербовке – иметь санкцию руководства. И вот такая оплошность! Матрос удивился тому, что я попросил его никому не рассказывать о визите. Его насторожило убранство землянки: стены завешаны плакатами с изображениями американских самолетов, среди них «Вулкана» – самолета-треугольника, смутили английские надписи на плакатах, и он подумал, что попал, возможно, к шпионам или что его специально проверяют.

Когда я показал удостоверение сотрудника КГБ, он успокоился, дал согласие помогать органам, но, уходя, сказал, что посоветуется с представителем политотдела.

Конечно, объяснение с начальством было бурное, но все грозы проходят – прошла и эта. Правда, шуток в мой адрес сыпалось много: обычно меня спрашивали, на какую руку надевать повязку с надписью «иду вербоваться в КГБ»?

Операция «Соседи»

Главным заданием моих «помощников» было выявление недобросовестной работы на самолетах при их подготовке к вылетам. Я просил присматриваться к тем летчикам и техникам, которые недовольны жизнью в Советском Союзе и могут задумать угон самолета за границу, благо она была в нескольких десятках километров от Малого аэродрома.

Вскоре один из «помощников» сообщил, что летчик его звена нарушил границу с Норвегией: залетел на ту сторону. Я доложил об этом событии начальнику, и тот разъяснил: Малый аэродром был построен еще до войны, естественно, для тихоходной авиации. Тогда это место носило имя Ваенга, по имени стойбища оленеводов. Во время войны здесь базировалась морская авиация под командованием Бориса Сафонова, дважды Героя Советского Союза. Он погиб в сорок втором году, прикрывая с воздуха очередной конвой союзнических судов, идущих в Мурманск с грузом военной техники.

В то время самолет винтовой авиации мог уйти в сторону границы километров на 10–15 через две-три минуты. Реактивный МиГ за это же время удалялся по прямой километров на пятьдесят, как раз до границы.

– Аэродром «смотрит» в сторону Норвегии. Раньше МиГ отвернуть не может – скорость еще не набрал. А когда начинает разворот, уже оказывается над чужой территорией. Норвежцы уже перестали писать нашему МИДу ноты протеста. Но опытные летчики не доходят до границы, это случается в основном с молодежью.

История на этом не окончилась. Другой летчик, причем опытный, стал регулярно нарушать границу. Мало того, он залетал достаточно глубоко и отчитывался перед своим командиром звена. «Помощник» высказал предположение, что летчик и командир звена в сговоре: хотя бы перелететь за рубеж. Вот как подействовал мой инструктаж!

– А зачем залетать глубоко? – попытался я подвергнуть сомнению версию.

– Ищут аэродром на той стороне...

– А откуда ты узнал, что летчик нарушает границу?

– К нему прямо к кабине подходит командир звена, и они о чем-то говорят. К другим летчикам не подходит. В сговоре они, – убедительно закончил «помощник».

Это уже было недоверие своему командиру.

– Ну, это уже далеко ведущие выводы. Пока есть факт: нарушение границы. Наблюдай. Встретимся через два дня на условном месте.

Сколько раз в своей оперативной жизни – и в контрразведке и разведке – говорил я эту фразу: «Встретимся на условном месте». В чем условное? В месте и времени, в запасном варианте, если встреча по каким-либо причинам срывается. Самое главное в работе с «помощником» и агентурой из иностранцев – не потерять с ним связь. Ценность информации зависит не только от того, что она есть у источника, то есть носителя интересующих сведений. Есть такая поговорка: «Дорога ложка к обеду». Так и с информацией.

Я вновь обсудил с начальником сообщение «помощника». В ответ услышал:

– Придется тебе раскрыть содержание операции «Соседи». Норвегия – член НАТО, это ты знаешь, и близость ее границ с нами означает возможность контролирования жизнедеятельности нашей военно-морской базы в Североморске...

– Она не оставляет равнодушной натовскую военную разведку?

– Вот-вот... Стало известно, что они строят новые радиолокационные станции перехвата для ведения технической разведки с территории Норвегии.

– Упование на технические формы ведения разведки – это пунктик ЦРУ. Нам об этом говорили в школе, – заметил я.

– Так вот, твой «подозреваемый» летчик ведет фото- и электронную разведку под предлогом случайных залетов на норвежскую территорию...

– Вот почему он уходил в глубину территории! Ведь мы приучили норвежцев к нарушениям границы. Но норвежцы ли стоят за всем этим?

– Пока таких сведений у нас нет, но вернее всего – США. Ты не обижайся: эта операция была задумана еще до твоего приезда и, конечно, максимально скрывалась. А теперь подумай, как отвести подозрения «помощника» от летчика и его командира. И как поддержать на этом примере отличное качество «помощника» – бдительность, желание работать с органами.

Этот источник в дальнейшем оказал важную услугу госбезопасности – разобрался в ситуации с одним из механиков. «Летун», как я его назвал, стал изучать летные инструкции, беря их в секретной библиотеке. Криминального в этом ничего не было, но зачем ему знания об особенностях управления самолетом в воздухе? С моим «помощником» мы установили, что «Летун» дружит с техником-оружейником. «Помощник» говорил:

– Оружейник не имеет доступа к секретной инструкции по полетам, но он якобы окончил аэроклуб и когда-то летал самостоятельно. Хотел стать летчиком, но что-то помешало. Я слышал, как они беседовали об управлении МиГом.

– А может быть, это простое любопытство бывшего аэроклубовца? По себе знаю, как влечет авиация.

– Может быть. А если – нет? – возразил мой бдительный «помощник». Таким сигналом пренебрегать не следовало.

«Помощник» узнал, где проводит время эта парочка. Они уходили к большой скале в сопки и там, укрываясь от ветра, разводили костер, беседовали по много часов. Я их понимал по-человечески: в гарнизоне податься особенно некуда – кинофильмы, вечером клуб и танцы, выпивка... В Мурманск ехать – денег не ахти сколько. А природа поднимает настроение. Понимал я и другое: они скрываются для беседы на тему, которую мы точно не знали.

В отделе решили провести против «Летуна» операцию. Нужно было получить сведения о характере их с напарником разговоров, в частности, о цели использования летной инструкции. Это удалось сделать с помощью подслушивающего устройства, которое заложили вблизи камня – места постоянной встречи парочки.

Неясность была ликвидирована: «Летун» с оружейником готовили угон истребителя в Норвегию. Оружейник изучал инструкции, сидел в кабине пилота, готовя оружие, и тренировался в управлении. Он внимательно присматривался к поведению самолета во время рулежек. В магнитофонной записи были и такие фразы: «...Взлететь-то я взлечу, а вот сяду ли? Вот где сложность – в посадке».

Мне было жаль парней, которые направили свою энергию в преступное русло. И в чем-то я понимал их, хотя, конечно, не оправдывал. Они окончили среднее авиационно-техническое училище, что-то вроде военного техникума. Их служба могла длиться еще лет двадцать, и все в том же качестве: монотонная, скучная жизнь вдали от цивилизации, бесконечные заботы о полетах и тревога о качестве самолета и оружия, убогость обстановки в общежитии, регулярные пьянки и мечта об удачной женитьбе.

Лет десять назад такая информация привела бы в восторг тогдашних сотрудников Особого отдела: преступный умысел налицо, и механика с оружейником можно арестовывать, судить и отправлять в ГУЛАГ. Но шел пятьдесят девятый год, и действовал новый уголовный закон. Умысел – да. Но нереализованный...

Я вспомнил школу контрразведки и наставления грузинского капитана – специалиста по уголовному праву: нужно не ловить нарушителей, а создавать условия, препятствующие нарушениям. Конечно, механика с оружейником надо изолировать, но не в судебном порядке. Об этом я говорил на совещании у начальника Особого отдела Северного флота. Мое мнение рас-

ходило с оценкой события «особистами» старой закалки. Их предложение было провокационным: подождать конкретных действий, а затем привлечь к ответственности.

– Нужно уже сейчас изолировать механика и оружейника, но друг от друга, – говорил я, – перевести в разные гарнизоны, куда-нибудь в глубь страны, где до границы год скакать.

– Поддерживаю предложение лейтенанта, – бросил мой начальник, – но при условии, что наблюдение за ними будет продолжено. Кроме передачи дела на них нашим коллегам в Особых отделах следует высказать предложение об увольнении их из вооруженных сил.

– Согласен. Готовьте материалы. В конечном счете мы не благотворительная организация, а органы государственной безопасности, – подвел итог адмирал и добавил: – Мы их спасаем от более серьезного преступления.

«Летун» и его товарищ из авиадивизии были удалены. А я смог поощрить моего «помощника», дав ему возможность получить отпуск в летнее время, – для молодых военнослужащих на Севере – вещь крайне редкая. Было радостно от того, что мы смогли избежать расправы над молодыми ребятами, моими одногодками, что «помощник» оказался на высоте, а моя работа в отделе начала спориться, ибо я еще мысленно краснел, вспоминая случай с «ложной вербовкой», как ее прозвали коллеги.

Особые отделы работали при Малом и Большом аэродромах (на последнем базировалась авиация дальнего действия) и в Сафоново, где размещался штаб морской авиации флота и бригада летающих лодок, основной задачей которых были разведывательные полеты над Баренцевым и Северным морями.

Эхо войны

Июньским днем я сидел на совещании в отделе. День выдался отличным: много солнца и голубого неба, что бывает редко в этих краях. Было скучновато. Вошел дежурный матрос и что-то сказал на ухо руководителю совещания. Тот подозвал меня к себе:

– При прокладывании траншеи обнаружен мертвый матрос. Сходи, разберись и доложи.

Меня проводили к месту происшествия. На глубине полутора метров были видны очертания человека в остатках матросской формы. Он сидел, пригнувши голову к коленям. Форма и ткани тела почти истлели, видны были кости – все говорило о том, что тело пробыло в земле достаточно долго. Я отвел матросов от ямы, выставил пост, приказав никого не подпускать к останкам. Выяснил обстоятельства обнаружения матроса и вызвал следователей из Североморска. Сам я предполагал, что событие связано с войной.

По срезу земли было видно, что человек находился в воронкообразной яме, которую присыпали сверху как бы другой землей. А что, если человека уже после убийства бросили в воронку, оставшуюся еще с войны?

Через час прибыл следователь, и я предложил ему свою версию.

– Все может быть. Могу сказать точно: труп пролежал в земле не менее пятнадцати лет. Более точно определит судебный эксперт.

– Значит, это могло случиться году в сорок третьем? Исчезновение матроса могло остаться в памяти людей того времени.

– Вот и хорошо. Поищи старослужащих из аэродромной команды, кто тянет военную лямку с тех пор.

В штабе я довольно быстро нашел фамилию, место службы и проживания одного из таких старослужащих. Уже первый разговор с ним позволил укрепиться в мысли, что матрос погиб во время войны.

– Немец нас особенно бомбил в конце сорок первого и в сорок втором. Иногда было по несколько налетов в день. Уж очень ему досаждали наши истребители, охранявшие конвой судов из Англии и Америки. Как только Борис Сафонов поднимал свои истребители в воздух, немцы тут как тут. Точно не помню, но были вроде разговоры об исчезновении матроса. Может быть, спросить моего друга? Он тогда служил при штабе, был ближе к разным историям из жизни аэродрома.

И мы двинулись к другу. Это была удача: действительно, при одном из налетов немецкой авиации исчез матрос. Следов не нашли и посчитали его сбежавшим в тундру, а домой сообщили, что пропал без вести.

Пропал без вести... Что может для семьи хуже: ни жив ни мертв, почему-то считалось, что пропавший без вести обязательно в плену, а возможно, перебежал к немцам сам. Семью лишали всех льгот.

Исследуя останки матроса, мы нашли крохотный пенал из пластика, в котором каждый записывал свое имя, домашний адрес и личный номер. Все это помогло разыскать архивное дело. Но уж такая участь следователя – во всем сомневаться. Пенал мог быть подброшен. Поэтому ознакомились с надписями на ремне – фамилия совпадала. В деле говорилось, что у пропавшего матроса был перелом кости ноги. Это и решило дело – матрос и найденные останки – одно и то же. Видимо, во время налета матрос укрылся в воронке. Взорвавшаяся рядом бомба контузила его и он потерял сознание, выброшенная земля заживо погребла человека.

По указанию руководства я написал письмо в деревню, где матрос жил до войны. Нашлись мать, брат и сестры. Брат приехал к нам, был принят командованием авиадивизии и забрал останки. Его сопровождал политработник дивизии.

Так на моих глазах приоткрылась еще одна страничка истории войны. Через семнадцать лет удалось восстановить доброе имя погибшего воина.

За службу в авиадивизии мне пришлось пережить несколько авиакатастроф. Однажды я сидел в помещении отдела и писал отчет о встрече с одним из моих «помощников». Работу прервал начальник:

– Разбился штурман полка. Беги на КП и заведи магнитофонную пленку с записями переговоров по радио руководителя полетов и штурмана.

Руководил полетами командир полка, соратник Бориса Сафонова по войне. Полковник был бледен и глубоко затягивался сигаретой. Я знал, что со штурманом они были друзья. За год до войны прибыли сюда, в морскую авиацию, и всю войну сражались над Баренцевым морем.

– Слетается воронье, – грубо проговорил полковник, – теперь мне крышка – уволят. Лейтенант, четвертого за два года я провожаю на тот свет! Бери пленку...

Самолет упал на виду у поселка, не дотянув до посадочной полосы метров двести. Упал в болото и перевернулся. Через двадцать минут трактор поставил пятитонный истребитель в нормальное положение, но штурман уже был мертв. После опрокидывания самолета он потерял сознание; ударившись лбом о прицел, завис на ремнях сиденья и сдавил ими артерию на шее.

Созданной комиссии предстояло аргументировано ответить на три основных вопроса: не была ли катастрофа результатом ошибок летчика при пилотировании самолета, не случилась ли она из-за поломки двигателя, управления или приборов навигации, и, наконец, не было ли здесь злого умысла?

На первый вопрос акт готовило командование авиадивизии, на второй – авиаспециалисты, а диверсионный вариант отрабатывали мы, Особый отдел, – в моем лице.

Я изучил магнитофонную запись, особенно участка, который касался аварийной ситуации вплоть до гибели летчика. Записи сохранил по сей день. Всего шесть минут. Триста шестьдесят секунд трагического полета.

Прослушав запись, потрясенный, я долго сидел молча. Голоса, их интонация, отдельные фразы роились в голове: «Трясет двигатель...», «Остановился двигатель...» и ударяющее по сердцу последнее «Ой, мама...». Перед глазами стояло лицо штурмана полка, всегда приветливого и жизнерадостного человека. Отличный фронтовой летчик. Несколько лет назад, спасая МиГ с остановившимся двигателем, остался жив. Тогда его наградили золотыми часами, он с гордостью показывал их мне. А нынче не получилось. Но почему? Да, проволочка с посадкой, растерянность руководителя полетов, его нечеткость в управлении ситуацией, о чем рассказывала магнитофонная запись.

Если бы были убраны шасси, то самолет, попав в болото, не перевернулся бы. Ох, уж это «бы». Шасси убрать – несколько секунд. Их-то у штурмана и не было.

Случаи остановки двигателя в воздухе было основным злом в эксплуатации МиГов. Заводской брак. Уже работая в разведке, приходилось ставить источникам задание по технологии изготовления надежных лопаток для турбин реактивного двигателя – и через пять, и через десять и даже двадцать лет.

Лопатка турбины отрывалась и попадала между вращающимися частями двигателя, разрушая его. Так случилось и в этот раз. Двигатель остановился, до посадочной полосы не хватило 2–3 секунды.

Из того времени память приносит радостное и трагическое, доброе и злое. Но я не хотел бы иметь память, которая создает атмосферу только спокойствия и умиротворения. Если есть Бог, значит, есть и дьявол. Такова уж доля людей – жить в добре и зле. Пусть все будет при мне всегда – это жизнь, а она многогранна. Не хочу забывать. И не могу!

Выстрел «Печального»

Профессионализм – это как умение плавать или ездить на велосипеде: или он есть, или его нет. Мой профессионализм инженера-артиллериста пригодился в более чем трагической ситуации.

В тот день были обычные учебные стрельбы. Ясная погода для летней поры – роскошь для северного края. Погода помогала новичкам из летчиков – их специально «обкатывали» в такую погоду. Во время полетов я старался быть на стоянке среди летчиков и техников. В этом была оперативная необходимость: общение создавало эффект привыкания к «особисту», восприятие его как своего коллеги по службе, эдакого доброго парня, интересного собеседника. И еще – короткие встречи с «помощниками».

В полдень со стороны Большого аэродрома донесся глухой взрыв. Расстояние в пять километров приглушило его, но как артиллерист я оценил его мощь – сильный, не похожий на разрыв снаряда или бомбы, даже цистерны с горючим. Взрыв распался на несколько более слабых. Из-за сопки возникло зарево, заметное даже в свете солнечного дня. Похоже, что-то случилось с самолетом авиации дальнего действия.

Я пошел в отдел – так всегда бывало в случае ЧП. Начальник отдела, как никогда, был мрачен:

– Только что сообщили: на взлете взорвался ТУ-16.

– Да у них же сегодня должны были быть полеты на Дальний Восток. Беспосадочные. Это десять тысяч километров!

Я ужаснулся: на борту тринадцать человек экипажа, полная бомбовая нагрузка, боекомплект, а главное – полный запас горючего... Теперь я понял, почему было несколько взрывов: в первую очередь горючее в воздухе, а затем боезапас на земле.

– Ты будешь включен в комиссию от нашего отдела, – донесся до меня голос начальника. – А пока нацель-ка своих «помощников» на отношение летчиков, техников и штабистов к этому событию. Вдруг что-нибудь всплывет?

Несколько дней в радиусе до десяти километров собирали останки ТУ-16 и погибшего экипажа: летчиков, штурманов, бортиженеров, радистов... Куски самолета выкладывали в огромном ангаре в точном соответствии с месторасположением их в целом самолете. Каждый кусок и деталь тщательно осматривались всеми членами комиссии.

Мое внимание привлекла плоскость крыла. Странно: в ней круглое рваное отверстие, похожее на пробоину от снаряда малокалиберной пушки калибра тридцать семь миллиметров. Нападение вражеского самолета? Абсурд. Свой зенитный огонь? Но это может быть только умышленно или случайный выстрел. Эту версию нужно проверить. И, наконец, свой истребитель, на вооружении которого стояла именно такая пушка. Но откуда? Да, «мои» обстреливали полигон, но это совсем в другой стороне от Большого аэродрома. А если на пути перелета из зоны к аэродрому? Все придется тщательно проверять.

Главе комиссии я высказал свое мнение о пробоине от снаряда. Тот посмотрел на меня с удивлением, но согласился осмотреть находку, пригласил эксперта по вооружению. Тот не без сомнения подтвердил: отверстие похоже на пробоину.

Коллеги на Большом аэродроме проверили средства противовоздушной обороны. Случайного выстрела из зенитного орудия не было.

Один из моих «помощников» обратил внимание на летчика, который после злосчастного дня вел себя не так, как обычно: сильно нервничал в этот и последующие дни.

Сидя на валуне среди сопки километра в полутора от поселка, мы беседовали с «помощником», опытным летчиком и пытливым человеком.

– Нервозность появилась, когда стало известно о гибели ТУ-16? – спросил я.

– Да, ходит сам не свой. Что-то терзает парня...

– Что о нем известно?

– Летчик молодой, первогодок. Дисциплинированный и старательный. Авиацию любит, профессией гордится, из семьи летчика-фронтовика...

– Может быть, что-либо не так дома, с девушкой?

– И это узнавал: все в порядке. Главное, что настораживает: как говорится, вчера – спокоен и весел, а сегодня, после гибели бомбардировщика, – скис, подавлен...

Мы оба чувствовали, что между летчиком и бомбардировщиком есть какая-то связь. Проверили даже, может, был друг среди погибших? Не подтвердилось. Из этого экипажа он никого не знал.

В отделе подняли личное дело со спецпроверкой этого летчика, которому я дал псевдоним «Печальный». Родом из Пензы, из семьи летчика, из школы и училища – положительные характеристики: честен, принципиален, и в одном месте совсем нестандартное – совестливый.

Был у меня среди старших механиков «помощник» и среди оружейников – еще один. И тот и другой имели постоянные контакты с «Печальным». Одного я поймал в столовой, другого поджидал у склада с боеприпасами. Оба подтвердили черту характера «Печального» – его совестливость, приведя по несколько примеров.

С начальником мы пришли к выводу: нужно провести с «Печальным» открытую беседу, в ней может вскрыться неожиданная сторона дела. Совпадения – вещь редкая. На беседу пошли вместе. Чтобы создать атмосферу доброжелательности, «Печального» к себе вызвал начальник политотдела дивизии, которого, правда, мы в детали наших предположений не посвящали.

Я видел этого летчика не раз в полку: стройный и подтянутый, симпатичный лейтенант. Но теперь он выглядел потухшим, без былой молодцеватости довольного жизнью человека. Глаза глубокие с затаенной болью. Но держал себя в руках, не торопясь присел на стул.

Никто не хотел торопить разговор, тяжелый для обеих сторон. Вздохнув, говорить стал начальник политотдела:

– Лейтенант, вас что-то угнетает? Все ли в порядке у родителей?

– Спасибо, дома все хорошо...

В разговор вступил мой начальник:

– Может, поговорим о последних полетах? Вы не удовлетворены стрельбой на полигоне?

– С полигоном все в порядке, – тяжело промолвил летчик. – А вот с тем, что было перед взлетом...

«Печальный» обвел нас взглядом мучительно боровшегося с собой человека. Пытливо, как бы ища поддержки, он вглядывался в каждого из нас. Сознаюсь, в тот момент мне показалось, что парень хочет что-то скрыть от нас. Но в его взгляде не было страха. Только боль. Позднее я понял, что молодой человек оттягивал минуту, когда он перейдет грань, за которой уже не будет морального права быть невиновным.

– Вы знаете, что перед вылетом на полигон нужно отстреливать оружие, – он медленно подбирал слова. – В тот день меня поторапливали с КП: чтобы полку уложиться в срок полетов, всех подгоняют...

До меня начало доходить: а не было ли зловещего совпадения – пребывания летчика у капонира для опробования оружия и взрывом на бомбардировщике? Вот что нужно было проверять на магнитофонной записи: время.

«Печальный» продолжил:

– Торопясь уложиться вовремя, я не докатил самолет до контрольного флажка, от которого должен был произвести выстрелы в капонир, в глубине капонира поднялось облако пыли. Я понял, что снаряды легли в песок этого укрытия. Когда узнал о гибели Ту-16, то вспомнил именно флажок... – Летчик надолго задумался, видимо, преодолевая мучавшие его глубокие

сомнения. Потом решительно и жестко сказал: – Мой снаряд сбил бомбардировщик. Я сбил своего. Думаю, что один снаряд из пушки ушел в сторону Большого аэродрома... Мой снаряд.

– Но вы ведь видели пыль в капонире? – спросил я.

– Когда я развернул машину в сторону взлетной полосы, она накренилась на правое колесо. Я это вспомнил позднее и понял: при выстрелах колесо передней стойки стояло на бугре. Трасса пулеметов вошла в капонир, а снаряд из пушки – выше него...

На парня было страшно смотреть. На наших глазах он стал меньше ростом, окаменевшее лицо потемнело, и черты обострились. Больше он в глаза нам не смотрел.

После следственного эксперимента комиссия сделала вывод: причиной гибели бомбардировщика стал снаряд, выпущенный из пушки МиГа, управляемого «Печальным». Обвинение ему предъявлено не было. При поддержке Особого отдела и политотдела командование предоставило «Печальному» долгосрочный отпуск на лечение. Через много лет я встретил на Дзержинке своего бывшего, по Северу, начальника. Он рассказал, что «Печальный» поправился, но летать так и не смог. Из авиации он уволился.

Моя душа не ликовала от удачи в этом расследовании. Было грустно. Единственным утешением было то, что подобная история больше не повторится.

А капонир перенесли на сторону, противоположную Большому аэродрому.

Недолгая служба в Особом отделе дала мне достаточно примеров полезности моей работы в этих органах. Меня и раньше не мучили угрызения совести от того, что я связал свою жизнь с всемогущественным ведомством, прошлое которого было далеко не безупречным. А теперь тем более.

Глава 2 «Снаряд» против коком

«Гридневка»

Летом 1959 года меня вызвали в кадры Особого отдела Северного флота и приказали срочно выехать в трехдневную командировку в Москву.

Через несколько дней я входил в помещение приемной Комитета госбезопасности на Кузнецком Мосту. Там было малоллюдно. Моя черная морская форма резко контрастировала со светлыми летними гражданскими костюмами.

К этому времени три моих товарища по учебе в военно-морских училищах Ленинграда, контрразведывательной школе и затем сослуживцы по Северу тоже прибыли в Москву. Нас приняли на площади Дзержинского в 10-м отделе Первого главного управления. Отдел этот впоследствии стал основным подразделением научно-технической разведки.

Талантливый разведчик, отличный организатор и большой поклонник нового Валентин Васильевич Рябов побеседовал с каждым из нас. После встречи с руководством главка он посоветовал нам забыть о военной форме и ходить только в штатском.

Сдав дела в своих особых отделах и отгуляв отпуск, в конце августа в группе будущих слушателей мы выехали на автобусе к месту учебы под Москвой. Только по названиям улиц мы догадывались, что едем в восточном направлении. Проскочив какой-то поселок, автобус свернул налево с трассы Москва – Горький.

Высшая разведывательная школа – единственное в своем роде учебное заведение – располагалась на территории в несколько гектаров. «Гридневкой» она звалась по фамилии начальника школы генерала Всеволода Васильевича Гриднева. Здания просматривались среди вековых сосен и елей. Все здесь напоминало дом отдыха. Не вписывалось в общую картину лишь новое здание учебного корпуса.

С каждым прибывшим побеседовал начальник факультета капитан 1-го ранга Визгин, начальник курса и руководители учебных отделений. Вместо своих фамилий мы получили псевдонимы. Поскольку в тот момент в школе была мода на флотоводцев, среди моих товарищей по курсу оказались «Ушаков», «Истомин», «Сенявин», а из «североморцев» – «Корнилов» и я, «Макаров». В эту плеяду не попали два наших товарища по Северному флоту – их имена начинались на «П» и «Т», а имен знаменитых адмиралов на такие буквы не нашлось.

Уже во время учебы по здоровью был отчислен «Корнилов» – мой однокашник по военно-морскому училищу. Однако через несколько лет он все же пришел в главк и не одно десятилетие работал по линии оперативной техники. После окончания учебы исчез из поля зрения «Сенявин». Встреча с ним произошла в ПГУ в середине восьмидесятых, когда он возвратился на родину после двадцатилетней работы за рубежом в нелегальных условиях.

В школе был основной факультет, на котором вместе занимались слушатели всех направлений разведки – политической, научно-технической и контрразведывательной.

Жили мы по два-три человека в комнатах двухэтажных домиков. В них было чисто и уютно. Опрятные ковровые дорожки, занавески на окнах в маленьких, на несколько человек, фойе, картины с русскими ландшафтами на стенах. Весной и летом слушатели в тенистых аллеях и на глухих тропинках зубрили язык, зимой быстро перебежали из дома в дом на очередные лекции, семинары, практику, самоподготовку. В многоэтажном кирпичном здании располагались аудитории и классы по спецдисциплинам, страноведению, основам марксизма-ленинизма. Здесь же находились волейбольно-баскетбольный и актовые залы.

Домики были отведены под жилые помещения слушателей первого и второго курса основного факультета и факультета усовершенствования. Двухэтажный дом, напоминающий небольшую сельскую школу, был предназначен для языковой кафедры и классов. Там же находился фонд языковой библиотеки и маленький уютный зал на пятьдесят человек для лекций и общественной работы.

Одно время моим соседом по комнате был эстонец под школьной фамилией Палей. Его оперативная биография начиналась в пятидесятые годы в лесах и болотах Прибалтики, когда чекисты гонялись за вооруженными группами националистов. Несколько замкнутый, но добродушный в общении прибалт в учебе был сосредоточен и трудолюбив. Трудно ему давался английский язык, особенно произношение – он и по-русски говорил с сильным акцентом. Мы подшучивали над его частыми заменами «п» на «б» и «з» на «с».

Для разминки произношения перед языковыми занятиями мы придумали для Палея сложную фразу, позволяющую контролировать глухие и звонкие звуки. Первое время в его устах она звучала так: «Балей цитаат Абулея “Солотой озел”». В переводе на общедоступный язык это означало: «Палей читает Апулея “Золотой осел”». Как ни странно, но эта трудная для эстонца скороговорка помогла ему в освоении английского и налаживании русской речи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.